

Содержание

А. Николокин

В.В. Розанов в контексте эпохи

7

Уединенное

35

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ. КОРОБ ПЕРВЫЙ

131

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ. КОРОБ ВТОРОЙ

297

СМЕРТНОЕ

561

АПОКАЛИПСИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ

595

КОММЕНТАРИИ

683

В.В. Розанов в контексте эпохи

Русский философ и писатель Василий Васильевич Розанов размышлял о России и ее судьбах до последних дней своей жизни. «Безумное желание кончить «Апокалипсис», — писал он в конце 1918 года Д.С. Мережковскому¹. Ему оставалось жить несколько месяцев. Последняя изданная при его жизни книга — «Апокалипсис нашего времени» — оборвалась на десятом выпуске. Времена были трудные, голодные. Печататься становилось все сложнее и сложнее по условиям новой цензуры. А тут еще сдвоенный шестой-седьмой номер «Апокалипсиса» был конфискован тотчас по выходе в свет. Как жить и работать дальше, как прокормить семью?

Последняя надежда — Максим Горький, с которым Розанов когда-то переписывался, доставал и слал ему на Капри нужные книги. И вот он садится писать письмо Горькому — моление о помощи: «Максимушка, спаси меня от последнего отчаяния. Квартира не топлена и дров нету; дочки смотрят на последний кусочек сахара около холодного самовара; жена лежит полупарализованная и смотрит тускло на меня. Испуганные детские глаза, 10, и я глупый... Максимушка, родной, как быть? Это уже многие письма я пишу тебе, но сейчас pošлю, кажется, а то все рвал. У меня же 20 книг, но “не идут”, какая-то забастовка книготорговцев. Максимушка, что́ же делать, чтобы “шли”. Вот, отчего ты меня не принял в “Знание”? Максимушка, я хватаюсь за твои руки. Ты знаешь, что

1 Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 526.

значит хвататься за руки? Я не понимаю, ни как жить, ни как быть. Гибну, гибну, гибну...»¹.

Чтобы помочь Розанову выжить, Горький обратился за деньгами к Ф. Шаляпину². Шаляпин деньги прислал, однако было уже поздно. «Спасибо за деньги, — писал ему Горький, — но В.В. Розанов умер...»³.

Он умер в Сергиевом Посаде близ Троице-Сергиевой лавры 23 января 1919 года (по новому стилю это было 5 февраля). В Сергиев Посад Розанов с семьей переехал из Петрограда, после того как в августе 1917 года его друг философ П.А. Флоренский подыскал им квартиру в доме священника Беляева.

Дочь Розанова Татьяна так описывает кончину отца в холодном, нетопленном доме, где писатель все время мерз: «В ночь с 22-го на 23 января 1919 года старого стиля отцу стало совсем плохо... Рано утром и четверг пришли П.А. Флоренский, Софья Владимировна Олсуфьева⁴ и С.Н. Дурьлин⁵. Мама, Надя⁶ и я, а также все остальные стояли у папиной постели. Софья Владимировна принесла от раки преподобного Сергия (Радонежского) плат и положила ему на голову. Он тихо стал отходить, не метался, не стонал. Софья Владимировна стала на колени и начала читать отходную молитву, в это время отец как-то зажмурился и горько улыбнулся — точно увидел смерть и испытал что-то горькое, а затем трижды спокойно вздохнул, по лицу разлилась удивительная улыбка, какое-то прямо сияние, и он испустил дух. Было около двенадцати часов дня, четверг, 23 января с. стиля. Павел Алек-

1 Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 523–524.

2 Шаляпин Федор Иванович (1873–1938).

3 Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство. Письма. М., 1976. I. С. 354.

4 Олсуфьева Софья Владимировна (урожд Глебова) — жена графа Ю.А. Олсуфьева (1878–1937?), знакомая семьи Розановых по Сергиеву Посаду, где с 1918 г. ее муж вместе с П.А. Флоренским работал в Комиссии по охране памятников старины.

5 Дурьлин Сергей Николаевич (1886–1954) — литературовед, искусствовед и театральный критик.

6 Розанова Надежда Васильевна (1900–1958) — дочь писателя.

сандрович Флоренский вторично прочитал отходную молитву, в третий раз — я».¹

На дровнях, покрытых елочками, гроб, после отпевания в приходской церкви Михаила Архангела, отвезли на кладбище Черниговского скита; похоронили Розанова рядом с могилой философа К.Н. Леонтьева (1831–1891), близкого по духу ему человека, с которым он много переписывался в последний год жизни Леонтьева. В 1923 году кладбище при Черниговском ските было скрыто и, несмотря на официальную охранительную грамоту от Реставрационных мастерских Москвы, могилы К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова уничтожены. Черный гранитный памятник Леонтьеву разбит в куски, а крест на могиле Розанова сожжен. На нем была надпись, выбранная из Псалтири П.А. Флоренским: «Праведны и истинны пути Твои, Господи!». Благодаря дневниковой записи М.М. Пришвина место могил Розанова и Леонтьева было определено и в 1992 г. на них установили кресты.

* * *

«Много вообще антиномий кроется в странной душе человека»², — писал В.В. Розанов в статье к 100-летию со дня рождения философа А.С. Хомякова. И не случайно свои воспоминания о Розанове его юный друг Э. Голлербах³ озаглавил в 1919 году «О двуликом».

Как-то незадолго до смерти дочь Таня спросила его: «Папа, может быть, ты отказался бы от своих книг «Темный Лик» и «Люди лунного света»?». Но он ответил несогласием, считая, что в этих книгах есть что-то верное и важное.

Недаром именно «Людей лунного света» (1911) и его брошюру «Русская церковь» (1909) епископ Гермоген⁴ потребо-

1 ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки), ф. 249, оп. 2, картон 10, ед. хр. 2, л. 110–111.

2 Розанов В.В. Собр. соч. Около церковных стен. М., 1995. С. 421.

3 Голлербах Эрих Федорович (1895–1942) — литературовед и искусствовед, автор книг и статей о Розанове.

4 Гермоген (Георгий Ефремович Долганов, 1858–1919) — епископ Саратовский и Царицынский, требовал отлучения Розанова от церкви.

вал изъять из продажи как книги «безбожные и еретические», а их автора предать как еретика церковному отлучению (анафеме). Но Синод не успел применить к Розанову мер, какие в начале века были приложены к Л. Толстому (Розанов протестовал тогда против отлучения Толстого от церкви). Наступил 1917 год, и «отлучение» не состоялось. По рапорту Гермогена было принято решение: «Ввиду изданного Временным правительством закона о свободе печати и воспрещения применения к ней мер административного воздействия, не считая возможным входить ныне в суждение об изъятии вышеозначенных книг В. Розанова из обращения, Св. Синод определяет: настоящее дело производством прекратить»¹.

Дело производством можно было прекратить, но нельзя было прекратить воздействие книг и мысли Розанова. М. Горький назвал его «самым интересным человеком русской современности». После смерти Розанова в ответ на просьбу его дочери написать очерк о нем Горький отвечал: «Написать очерк о нем — не решаюсь, ибо не уверен, что это мне по силам. Я считаю В. В. гениальным человеком, замечательнейшим мыслителем, в мыслях его много совершенно чуждого, а порою — даже враждебного моей душе, и — с тем вместе — он любимейший писатель мой. Столь сложное мое отношение к нему требует суждений очень точно разработанных, очень продуманных — на что я сейчас никак не способен. Когда-то я, несомненно, напишу о нем, а сейчас решительно отказываюсь»².

Горький очерка не написал. Это сделала несколько лет спустя З. Гиппиус, хорошо знавшая Розанова³. В ноябре 1918 года она писала Горькому в связи со слухом о расстреле Розанова (на самом деле был расстрелян другой сотрудник газеты «Новое Время», где 20 лет печатался Розанов, — публицист М.О. Меньшиков⁴): «Совершенно также уверена, что слух о расстреле

1 ЦГИА (Центральный государственный исторический архив). СПб., ф. 796, оп. 193 (1911 г.), ед. хр. 1226, л. 2.

2 ОР РГБ, ф. 249, оп. 2, картон 7, ед. хр. 42.

3 См.: Гиппиус З.Н. Живые лица. Прага, 1925. Вып. 2. С. 9–92.

4 Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) — публицист, сотрудник «Нового Времени».

В.В. Розанова должен был произвести на вас тягостное впечатление: никакой революции никакой страны не может принести чести отнятие жизни у своих талантливых писателей, да еще стариков, отошедших от всякого рода деятельности. Как бы мы ни относились к человеку-Розанову и его «убеждениям» (а, я думаю, мы тут приблизительно совпадаем) — вы не будете отрицать, что это был замечательный, своеобразный русский талант»¹.

Как же получилось, что русская культура XX века развивалась «вне Розанова», что до сих пор по различным архивам хранятся его неизданные последние произведения, несобранные воспоминания и высказывания о нем современников? «Мы ленивы и нелюбопытны»², — говорил Пушкин. Но здесь дело не только в этом.

Направление мысли Розанова во многом сходно со взглядами Ф.М. Достоевского, хотя он жил уже в иную эпоху и не мог просто следовать за любимым писателем. Да и судьбы их наследия в чем-то схожи. Многие современники, как известно, отвернулись от Достоевского-почвенника, и он долгое время оставался «под подозрением» в среде либеральной интеллигенции. Минуло почти столетие, прежде чем Достоевский был справедливо оценен и воспринят нашей культурой. И почти столько же времени потребовалось, чтобы начать понимать и издавать Розанова.

В 1928 году Э. Голлербах писал Горькому в Италию: «Над Розановым продолжаю работать, но работа эта — «для письменного стола», а не для печати, хотя несколько лет тому назад Л.Б. Каменев³ уверял меня, что Розанова можно и нужно печатать, всего целиком... Сейчас, к сожалению, об этом нечего и думать. Как было бы ценно, если бы Вы когда-нибудь написали хотя бы несколько слов об этом отверженном писателе. «Хотя бы несколько слов» — это звучит довольно нелепо, но я хочу сказать, что Ваши «несколько слов» были бы,

1 Архив Горького, КГ-П, 20-6-1. 1.

2 Пушкин А.С. Полное собр. соч. В 10 т. М.; Л., 1950. Т. 6. С. 668 («Путешествие в Арзрум»).

3 Каменев Лев Борисович (наст. фамилия Розенфельд, 1883–1936) — политический деятель и литератор, расстрелян.

вероятно, достаточно для того, чтобы можно было — если не переиздавать Розанова, то хотя бы писать о нем. А как были бы для нас, «розовианцев», интересны Ваши «слуховые» и «зрительные» впечатления о нем, портретная характеристика, искусством которой Вы владеете так изумительно. Уверен, что Ваше слово могло бы в известной мере «снять опалу» с этого писателя. Но вот вопрос: нужен ли он сегодняшней России? Может быть, с Розановым следует подождать еще лет 30? Впрочем, о сроках говорить трудно»¹.

Но время даже для «нескольких слов» о Розанове было неподходящим.

В последнее время наследие замечательного писателя, философа и публициста В.В. Розанова вызывает возрастающий интерес, появляются все новые и новые публикации о нем. После долгих десятилетий искусственного забвения, а точнее сказать — запрещения, Розанов вновь становится органической частью русской культуры.

* * *

Так, как говорил с читателем (или «без читателя») В.В. Розанов, не говорил никто. В этом его оригинальность и неповторимость как мыслителя. «Ну а мысли?»... «Что ж, мысли бывают разные», — отвечал он.

Размышляя о самобытности русской философии, В.В. Розанов полагал, что в отличие, например, от Германии, где философия издавна была самостоятельной дисциплиной, в России философская мысль развивалась прежде всего в литературе. И с этим, конечно, нельзя не согласиться. Славянофилы и западники, Достоевский и Толстой, Леонтьев да и сам Розанов воплощали в себе литературу и философию одновременно. В одной из ранних статей он писал: «Русская литература была всегда литературою классической критики, не эстетической, но критики, как метода письма, который охватывает собою публицистику, философию, даже частью историю»¹.

1 Архив Горького, КГ-ДИ, 3-Г-2.

2 <Розанов В.> Об упадке серьезной критики // Гражданин. 1900. № 42. 8 июня. С. 4.

Крупные произведения Достоевского («Дневник писателя», «Братья Карамазовы» и др.) и Толстого («Анна Каренина», «Чем люди живы», «Смерть Ивана Ильича» и др.), считал Розанов, «можно принять за фундамент наконец начавшейся оригинальной русской философии, где выведен ее план и ее расположение, может быть, на много веков»¹. Это положение стало важнейшим для всей последующей творческой деятельности Розанова.

Нетрадиционные мысли Розанова в области литературы, философии, религии и сегодня не утратили своей свежести и интереса. Ну кто, к примеру, мог так проникновенно («рыдаательно», как он сам выражался) написать о причинах забвения на сотни лет такого памятника древнерусского эпоса, как «Слово о полку Игореве». «Не горе бы, если бы его уничтожили, вырвали, убили. Нет, — пишет он, — произошло хуже: оно всем стало ненужно, неинтересно. Грамотные жили, но его не читали. Списывали много: но его не списывали. «Не интересно! Не влечет!» Вот ужас, вот настоящий ужас: и сохранилось, завалилось, спаслось чудом всего два списка. Вообразите время, когда Пушкин станет до того неинтересным, что его сохранится всего два экземпляра в России, в старом чулане уездного помещика! Пушкина забудут. «Не интересно, не влечет!». Не правда ли, если бы это произошло с Пушкиным, мы прокляли бы эпоху, прокляли бы тех русских, которым Пушкин сделался окончательно и совершенно ненужным! В сердце своем мы полагаем, что Пушкин есть мера русского ума и души: мы не Пушкина измеряем русским сердцем, а русское сердце измеряем Пушкиным; и Россия, отряхнувшая от своих ног Пушкина, — просто для нас не Россия, не отечество, не «своя страна»... «Слово о полку Игореве» — это как бы Пушкин ранней России»².

1 Розанов В. Умственные течения в России за 25 лет // Новое Время. 1900. 21 марта. № 8644.

2 Розанов В. Как святой Стефан порубал «прокудливую березу» и как началось на Руси пьянство // Новое Время. 1908. 7 апреля (см. в кн.: Розанов В.В. Собр. соч. Во дворе язычников. М., 1999. С. 379).

Розанова поражает не то, что в XII веке русским мастером было создано великолепное поэтическое «Слово», а то, что это «чудо певческого искусства» было просто забыто и сохранилось лишь в единственном экземпляре. Он писал: «Вот это забвение! Вот это искоренение! Вот это *sensuga*, своеохотная, с порывом к ней самих цензурируемых, подлинная, настоящая цензура, душевная цензура»¹.

«Слово о полку Игореве» Розанов назвал «великим течением несказанных природных сил»; оно явилось для него первым памятником отечественной словесности, заговорившим о русской земле. Тема же эта — одна из постоянных и наиважнейших во всех его сочинениях. И другая, тесно с нею связанная, — о семье, о том, как складывается семейная жизнь русского человека. Дайте мне только любящую семью, провозгласил Розанов в книге «Семейный вопрос в России» (1903), и я из этой ячейки построю вам вечное социальное здание. Понятие семьи стало краеугольным камнем философского и художественного мышления Розанова.

* * *

Василий Васильевич Розанов родился в 1856 году в Ветлуге Костромской губернии в семье чиновника лесного ведомства. Отец его умер и вскоре семья переехала в Кострому, когда мальчику было три года. На руках матери² оставалось семеро детей³. После ее смерти с 14-летнего возраста будущий писатель воспитывался в семье старшего брата Николая⁴, преподававшего в гимназиях Симбирска и Нижнего Новгорода.

В 1878 году Розанов определяется на историко-филологический факультет Московского университета, становится стипендиатом А.С. Хомякова. Особенно запомнились ему лекции В.О. Ключевского, который после смерти в 1879 году С.М. Со-

1 Розанов В. Около церковных стен. СПб., 1906. Т. 1. С. 291.

2 Розанова Надежда Васильевна (урожд. Шишкина, по другим сведениям — Надежда Ивановна, 1827–1870) — мать писателя.

3 «Бедность у нас. Нищета голая», — вспоминал Розанов в одном из неопубликованных писем своему другу Э. Голлербаху (РНБ, ф. 207, ед. хр. 74).

4 Розанов Николай Васильевич (1847–1894) — брат писателя.

ловьева стал читать курс русской истории. Юного Розанова очень впечатляло словесное мастерство историка. «Ничего подобного я не слышал ни прежде, ни потом... — вспоминал он. — Речь, им произнесенную, без поправок, без корректуры, без «просмотра автора» — можно было помещать куда угодно: все было кончено и завершено, отделано последнею отделкой»¹.

Розанов дает высшую оценку Ключевскому, на которую только был способен: «Русская порода, кусок драгоценной русской породы, в ее удачном куске, удачном отколе — вот Ключевский»². И вот откуда, может быть, начинается великий стилист Розанов, пока еще подспудно, как восхищенный зритель. Осознав еще в юности огромное значение «стиля», он в своих зрелых произведениях, особенно в «Уединенном» и в «Опавших листьях», довел его до совершенства.

Серьезный интерес Розанова к философии, пробудившийся в университетские годы, столкнулся с рутинной установившейся системы преподавания. Он писал: «Все-таки к философии именно — я почему-то питал особенное благоговение: “Прочие — в сюртуках, а этот в хламиде”. Вдруг, по какому-то торжественному случаю, я увидел нашего Матвея Михайловича <Троицкого>³, до того расшитого в золото (позументы парадного мундира) и со столькими орденами на груди... что мой туман спал. “Ах, вот отчего... университет не дает никакой *идеи о науке*: все они занимают должность V-го класса, дослуживаются, к 40-летию службы, до тайного советника и мирно прилагаются “к отцам” на Дорогомиловском или Ваганьковском кладбище”⁴.

- 1 Варварин В. Около науки и университета (По поводу 30-летия ученой службы В.О. Ключевского) // Русское Слово. 1909. 12 декабря. (В 1906–1911 гг. Розанов печатался в этой газете под псевдонимом В. Варварин).
- 2 Розанов В.В. Собр. соч. Старая и молодая Россия. Статьи и очерки 1909 г. М., 2004. С. 408.
- 3 Троицкий Матвей Михайлович (1835–1899) — психолог, профессор Московского университета, философ-позитивист, организатор журнала «Вопросы Философии и Психологии».
- 4 Розанов В. Вековая бездейственность русской профессуры // Новое Время. 1911. 27 августа (см. в кн.: Розанов В.В. Собр. соч. Террор против русского национализма. М., 2005. С. 209).

В университетские годы — в результате «вечной задумчивости», мечты, переходящей в безотчетное «внутреннее счастье», — в душе юноши произошел перелом. В автобиографии он писал: «Уже с I курса университета я перестал быть безбожником и, не преувеличивая, скажу: Бог поселился во мне. С того времени и до этого, каковы бы ни были мои отношения к церкви (изменившиеся совершенно с 1896–97 гг.), что бы я ни делал, что бы ни говорил или писал, прямо или *в особенности косвенно* я говорил и думал, собственно, только о Боге: так что он занял всего меня, без какого-либо остатка, в то же время как-то оставив мысль свободною и энергичною в отношении других тем»¹.

В начале 1881 года Розанов обвенчался с Аполлиной Суловой², эмансипированной женщиной, известной в писательской среде (Ф.М. Достоевский в начале 60-х годов путешествовал с ней по Западной Европе). Полина, будучи на 17 лет старше мужа, создала ему в Брянске, где он преподавал в прогимназии после университета, жизнь «мучительную, невыносимую».

За четыре года жизни в Брянске Розанов написал книгу «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания», в основе которой лежит идея «живого роста» (наподобие вырастающего из зерна дерева). Она писалась на едином дыхании, без поправок. «Обыкновенно это бывало так, — вспоминал он через 30 лет. — Утром, в «ясность», глотнув чаю, я открывал толстую рукопись, где кончил вчера. Вид ее и что «вот сколько уже сделано» — приводил меня в радость. Эту радость я и «поддевал на иголку» писательства»³. Эту работу Розанов считал определяющей для все-

1 РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства), ф. 419, оп. 1, ед. хр. 21, л. 3–4. Опубликовано частично: Чешихин-Ветринский В. «Свой Бог» Розанова (Страница из его автобиографии) // Утренники (Под ред. Д.А. Лутохина). Пб, 1922. Кн. 1. С. 78–79.

2 Сулова Аполлиния Прокофьева (1839–1918) — первая жена Розанова.

3 Розанов В.В. Литературные изгнанники. СПб., 1913. Т. 1. С. 200.

го своего мирозерцания, как выражение «предназначения» и «цели жизни». В письме к К.Н. Леонтьеву он писал, что книга «О понимании» «вся вылилась из меня, когда, не предвидя возможности (досуга) сполна выразить свой взгляд, я применил его к одной части — умственной деятельности человека»¹.

Книга Розанова направлена против позитивизма большинства тогдашних профессоров философии Московского университета. Автор видел и серьезные недостатки своего труда, о которых позднее говорил: «Мне надо было вышибить из рук, из речи, из «умозаключений» своих противников те аргументы, которыми они фехтовали. Отсюда — элементарность, плоскость суждений, доказательств. «Надо было полемизировать не с Парменидом², а с Михайловским³. Конечно — это слабая сторона книги»⁴.

Ныне рецептивная эстетика утверждает, что важно не литературное произведение само по себе, а его восприятие читателем, и это не вызывает протеста. Когда же молодой Розанов выдвинул категорию «понимание», связующую человека с наукой как системой знаний, то «все смеялись» над таким трюизмом. Науковедческий аспект книги не заинтересовал современников. В рецензии на нее, опубликованной в одном из крупнейших журналов, ядовито сказано, что «автор разумеет под «пониманием» совсем не то, что принято разуметь под этим словом: для него это не психологический процесс, а какая-то новая всеобъемлющая наука, призванная восполнить собою недостатки и пробелы существующих знаний. Для нас этот «полный орган разума», выдуманный г. Розановым, остается неразрешимую загадкой. Понимание, как нечто независимое от науки и философии, стоящее вне и выше их, более несомненное и обширное, чем они, — это просто логический абсурд»⁵.

1 Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 503–504.

2 Парменид из Элей (VI в. до н. э.) — древнегреческий философ.

3 Михайловский Николай Константинович (1842–1904) — народник, публицист, критик.

4 Розанов В.В. Литературные изгнанники С. 140.

5 <Слонимский Л. З. «Понимание» В.В. Розанова // Вестник Европы. 1886. № 10. С. 851.

И лишь в сочувственно написанной рецензии Н.Н. Страхова¹ на книгу Розанова признавалась «законность задачи, которой она посвящена»².

Провал первой книги (часть ее тиража была возвращена автору, а другая часть продана на Сухаревке на обертку для «серии современных романов») изменил всю судьбу Розанова. Много лет спустя он писал: «Встретить книга какой-нибудь привет — я бы на всю жизнь остался «философом». Но книга ничего не вызвала (она, однако, написана легко). Тогда я перешел к критике, публицистике: но все это было «не то». То есть это не настоящее мое»³.

Вслед за книгой «О понимании» Розанов собирался писать такую же по величине работу под названием «О потенциальности и роли ее в мире физическом и человеческом». Потенция, считал он, это незримая, неосуществленная форма около зримой, реальной. Мир — лишь частица «потенциального мира», который и есть настоящий предмет философии и науки. «Изучение переходов из потенциального мира в реальный, законов этого перехода и условий этого перехода, вообще всего, что в стадии перехода проявляется, наполняло мою мысль и воображение»⁴. Замыслу, однако, не суждено было осуществиться — он остался «в потенции».

После «О понимании» — книги в 738 страниц — трудно было писать кратко. Все написанное получалось торжественно, философично и пространно. Пришлось «перестраивать мозги», учиться писать (как советовал Страхов) сначала журнальную статью на три книжки журнала, хотя «музыку» мог продолжать сколько угодно. Писатель радовался, если удавалось написать статью только на одну книжку. Наконец он переходит в газету писать статьи в 700 строк. И так, сокращаясь «в форме», Розанов дошел до своих знаменитых «мимо-

1 Страхов Николай Николаевич (1828–1896) — философ, публицист, критик, друг Розанова.

2 ЖМНП (Журнал Министерства Народного Просвещения). 1889. № 9. Отд. II. С. 131.

3 РГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 21, л. 4.

4 Розанов В.В. Литературные изгнанники. С. 116.

летных» записей в «Уединенном» и в других зрелых произведениях.

Литературным наставником, «дядькой» молодого Розанова стал Н.Н. Страхов, которого он назвал как-то «тихим писателем», ибо он не шумел, не кричал, не агитировал, не обличал, а сидел тихо и тихо писал книги». Переписка между ними началась в январе 1888 года, когда Розанов размышлял над книгой «О потенциальности», а весной следующего года состоялась их первая встреча.

Идеи почвенника Н.Н. Стрехова были во многом близки Розанову. Но он никогда не «подделывался» к нему, оставаясь самим собой и когда переписывался со Стреховым, и когда в течение двух десятилетий писал статьи в «Новом Времени», в том числе посвященные острым социальным проблемам.

Уже в ранних своих статьях, приобретших известность благодаря формуле «От какого наследства мы отказываемся?», Розанов, говоря о Белинском и Добролюбове как провозвестниках грядущей революции, вопрошал, каков будет тот «социализм», что установится в России после революции. Уже тогда он был для него неприемлем.

Розанов нарисовал мрачную картину того социализма, который установится в стране, когда пришедшие к власти «наши развиватели», одушевленные великими идеями и мечтами, забудут о народе, о крестьянстве и станут «рубить топором иконы, истреблять “лишних паразитов”... т. е. всех богатых, знатных и старых, а мы, молодежь, будем работать на полях бархатную, кем-то удобренную землю и растить из нее золотые яблоки, которые будут нам родиться “не как при старом строе”... И — песни по всей земле»¹.

Будущий социализм волновал Розанова как реальная перспектива будущего России. В «Опавших листьях» он рассматривал его как исторический этап в развитии страны, тяжелый, но неизбежный: «Социализм пройдет как дисгармония. Всякая дисгармония пройдет. А социализм — буря, дождь, ветер... Взойдет солнышко и осушит все. И будут говорить, как о вы-

1 Розанов В.В. Литературные изгнанники. С. 235.

сохшей росе: — Неужели он (соц.) *был*? И барабанил в окна град: братство, равенство, свобода?

— О, да! И еще скольких этот град побил!!

— Удивительно. Странное явление. Не верится. Где бы об истории его прочитать?».

Переехав после разрыва с А.П. Суловой в Елец, Розанов с осени 1887 года стал преподавать в местной гимназии и вместе с учителем греческого языка П.Д. Первовым¹ взялся за перевод «Метафизики» Аристотеля. Печальна судьба этого перевода, первые пять книг которого печатались в «Журнале Министерства Народного Просвещения» в течение 1890–1895 годов. Четверть века спустя Розанов вспоминал: «Вдруг два учителя в Ельце переводят первые пять книг «Метафизики». По-естественному следовало бы ожидать, что министр просвещения пишет собственноручное и ободряющее письмо переводчикам, говоря — «продолжайте! не уставайте!». Профессора философии из Казани, из Москвы, из Одессы и Киева запрашивают: «Как? что? *далеко* ли перевели?» Глазунов² и Карбасников³ присылают агентов в Елец, которые стараются перекупить друг у друга право 1-го издания... Вот как было бы в Испании при Аверроэсе⁴. Но не то в России при Троицком, Георгиевском⁵ и Делянове⁶. «Это вообще никому не нужно», — и журнал лишь с стеснением и, очевидно, из любезности к Страхову, как к члену Ученого Комитета министерства, берет «неудобный и скучный рукописный материал» и, все оттягивая и затягивая печатание, заготавливает «для

1 Первов Павел Дмитриевич (1860–1929) — учитель елецкой гимназии, переводчик с греческого.

1 Глазунов Илья Иванович (1856–1913) — глава книгоиздательской и книготорговой фирмы в Петербурге с 1890 г.

2 Карбасников Николай Павлович (1852–1921) — основатель издательства в Петербурге в 1871 г.

3 Аверроэс (Ибн Рушд, 1126–1198) — арабский философ.

4 Георгиевский Александр Иванович (1830–1911) — профессор Московского университета, вице-министр, один из главных деятелей по введению среднего образования в России.

5 Делянов Иван Давыдович (1818–1897) — министр народного просвещения с 1882 г.

удовольствия чудаков-переводчиков» официально штампуемые 25 экземпляров!»¹

Что такое «25» для России, где четыре духовные академии и восемь университетов? Но спорить с министром народного просвещения И.Д. Деляновым, вице-министром А.И. Георгиевским, заслуженным профессором Московского университета М.М. Троицким, спорить с «глупостью министерства» было бесполезно.

На протяжении всей жизни писателя им владела идея «несообразности» дел, творимых на Руси. И как результат этого, считал он, явился нигилизм. По его мнению, началось это с Петра Великого, нужнейшие реформы которого содержали, однако, тот общий смысл, что «мы сами ничего не можем» и «все надо привезти из-чужа», а окончились «шестидесятниками» и их «потомками», приложившими немало усилий, чтобы осмеять реформы 1860-х годов и провозгласить: «К топору зовите Русь!».

В Ельце В.В. Розанов встретил «друга» — Варвару Дмитриевну Бутягину (в девичестве Рудневу). В мае 1891 года состоялось тайное венчание Василия Васильевича и Варвары Дмитриевны, поскольку его первый брак с А. Сусловой не был расторгнут, а на гражданский брак Варвара Дмитриевна не соглашалась. Молодые спешили покинуть Елец, что было оговорено заранее как условие брака, и обосновались в городе Белый Смоленской губернии, где Розанов стал преподавать в прогимназии. Провинциальный городок Белый с тремя тысячами жителей, вспоминал Розанов, — один из тех, где происходит действие рассказов Чехова.

Еще в Ельце им была написана «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского». Опубликованная в начале 1891 года в «Русском Вестнике», она обратила на себя внимание читателей, выдержав три издания. Теперь в Белом «вольнодумный учитель» взялся за критику рутинного гимназического обучения и стал с января 1893 года публиковать в «Русском Вестнике» главы своей книги «Сумерки просвещения» (название по анало-

гии с «Сумерками кумиров» Ф. Ницше), что восстановило против него весь Московский учебный округ, а министр просвещения сделал владельцу «Русского Вестника» Ф.Н. Бергу¹ внушение, которое последний спокойно отклонил. Такова была независимость обычного русского журнала еще задолго до Манифеста 17 октября 1905 года, провозгласившего свободу печати.

Может, и остался бы Василий Васильевич провинциальным учителем, пописывающим в столичных журналах, если бы стараниями Н.Н. Страхова и ботаника С.А. Рачинского², с которыми Розанов переписывался, он не получил места чиновника Государственного контроля в Петербурге. В апреле 1893 года Василий Васильевич с женой и только что родившейся дочерью Надей³ (умершей осенью того же года) переехал в Петербург.

Шесть лет службы Розанова в Государственном контроле оставили у него тяжелое воспоминание о «крайней материальной стесненности», натянутых отношениях с новым начальством. (Государственный контроль возглавлял тогда славянофил Т.И. Филиппов⁴.) Все это привело к жизненному и творческому кризису, который писатель пережил в 1896–1898 годах.

Пятнадцать лет спустя он напишет об этом в «Опавших листьях»: «Контроль, чванливо-ненавидяще-надутый Т. И. Ф., редакции “своих изданий” (консервативных), не платящие за статьи... дети и жена и весь “юридический непорядок” около них, в душе — какая-то темная мгла, прорезаемая блесками гнева: и я, “заворотив пушки”, начал пальбу “по своему лагерю” — всех этих скупых (не денежно) душ, всех этих ленивых душ, всех этих бездарных душ». Вспоминая те первые годы жизни

1 Берг Федор Николаевич (1839–1909) — писатель, журналист, после смерти М.Н. Каткова с 1887 по 1896 г. редактировал журнал «Русский Вестник».

2 Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) — ботаник, деятель народного просвещения.

3 Розанова Надя (1892–1893) — первая дочь писателя, умершая в младенчестве.

4 Филиппов Тертий Иванович (1825–1899) — писатель-славянофил, директор Государственного контроля, почетный член Академии наук.

в столице и своего начальника, Розанов писал: «Петербург меня только измучил и, может быть, развратил. Сперва (отталкивание от высокопоставленного либерал-просветителя и мошенника) безумный консерватизм, потом столь же необузданное революционерство, особенно религиозное, антицерковность, антихристианство даже. К нему я был приведен семейным положением».

В 1899 году Розанов уходит со службы в Государственном контроле и становится постоянным сотрудником газеты «Новое Время», издававшейся А.С. Сувориным¹. Доход его резко увеличивается. Из скромной квартиры на Петербургской стороне семья писателя, в которой было уже три дочери (Таня, Вера² и Варя³) и сын Василий⁴, переезжает на Шпалерную. Здесь осенью 1900 года родилась младшая дочь Розанова — Надя⁵.

Широкая лестница вела в просторную квартиру из пяти комнат с видом на Неву. Здесь у Розанова в первые годы XX века собирались выдающиеся деятели русской культуры, проводились розановские «воскресенья», на которых обсуждались проблемы религии, философии, литературы, искусства. Здесь бывали Д. Мережковский, Н. Бердяев, З. Гиппиус, А. Ремизов, Вяч. Иванов, А. Белый, Ф. Сологуб, С. Дягилев и другие.

То были самые светлые годы в жизни Василия Васильевича и его семьи. Об этом времени он затем скажет в «Опавших листьях»: «Лучшее в моей литературной деятельности — что десять человек кормились около нее. Это определенное и твердое».

В августе — сентябре 1917 года Розанов вместе с семьей переехал из Петрограда в Сергиев Посад рядом с Троице-Сергиевой лаврой под Москвой. На другой день после Октябрьской революции решением Военно-революционного комитета Петроградского Совета «Новое Время» было закрыто. Розанов ос-

- 1 Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — издатель и журналист, хозяин «Нового Времени».
- 2 Розанова Вера Васильевна (1896–1920) — дочь писателя.
- 3 Розанова Варвара Васильевна (1898–1943) — дочь писателя.
- 4 Розанов Василий Васильевич (1899–1918) — сын писателя.
- 5 Розанова Надежда Васильевна (1900–1958) — дочь писателя.

тался без средств к существованию. С 15 ноября 1917 года он начал печатать в Сергиевом Посаде ежемесячные выпуски «Апокалипсиса нашего времени», в которых отразилась растерянность, боль и неприятие революции, представлявшейся автору всеобщим Апокалипсисом: «Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем, и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатство. Все потрясено, все потрясены. Все гибнут, все гибнет».

Бегство Розанова в Сергиев Посад объясняли малодушным желанием «скрыться с горизонта». Э. Голлербах¹, близко знавший Розанова в те годы, говорил: «В.В. пережил состояние отчаянной паники. «Время такое, что надо скорей складывать чемодан и — куда глаза глядят», — говорил он. Но вовсе не был он трусом... Осенью 1918 года, бродя по Москве с С.Н. Дурьлиным, он громко говорил, обращаясь ко всем встречным: «Покажите мне какого-нибудь настоящего большевика, мне очень интересно». Придя в Московский Совет, он заявил: «Покажите мне главу большевиков — Ленина или Троцкого. Ужасно интересуюсь. Я — монархист Розанов». С.Н. Дурьлин, смущенный его неосторожной откровенностью, упрашивал его замолчать, но тщетно».

Отношение Розанова к революционным течениям было негативным. С глубоким презрением говорит он о вождях революции. Конкретно-исторический подход к сочинениям писателя позволит осмыслить то отчаяние, которое охватило его в 1918 году при виде всего, совершающегося в России, и о чем писал он «на безумном уголке стола», по его собственному выражению.

* * *

Истоки мирозерцания В.В. Розанова восходят к утверждению им семейного вопроса как главного в жизни общества.

1 Голлербах Э. В.В. Розанов. Пб., 1922. С. 88–89.

Здесь корень его воззрений на религию и литературу, на философию и политику.

Широко и всесторонне, как никто до него в России, исследовал Розанов проблемы семейной жизни и пола, разводов и незаконнорожденности, холостого быта и проституции и их отражение в законах и религии¹. Свою книгу «Семейный вопрос в России» он начал с утверждения, что семья никогда не являлась у нас предметом философского исследования, оставаясь темой богатого художественного воспроизведения, поэтического восхищения, даже шуток. Однако семья, по его словам, есть упавшая нашим небрежением с воза драгоценность, которую найдем ли мы опять или нет — неизвестно. Но во всяком случае сначала должна быть восстановлена целостная, прочная, чистая семья — семья как нравственная основа общества.

Полемизируя с журналистом В.К. Петерсенем², утверждавшим, что в слишком подвижном обществе, в обществе железных дорог и всевозможной техники, семья неудержимо тает, разлагается, расшатывается, Розанов видит причины упадка семьи в ином.

Достоевский в Пушкинской речи говорил о Татьяне Лариной как об идеале русской женщины, отказавшейся идти за Онегиным, которого любит, и оставшейся со стариком генералом, которого она не может любить и за которого вышла лишь потому только, что ее «с слезами заклинаний молила мать». Розанов решает этот вопрос иначе, ставя во главу угла вопрос о семье и детях. Отсюда его вывод: «Да, «Татьяны милый идеал» — один из величайших ложных шагов на пути развития и строительства русской семьи. Взят момент, минута, взвился занавес — и зрителям в бессмертных, но кратких (в этом все дело) строфах явлена необыкновенная красота, от которой

- 1 Началось с личной неустроенности, когда в силу законов Российской империи ему пришлось обращаться на высочайшее имя, чтобы усыновить собственных детей от второго брака, поскольку церковная консистория не расторгла его первого брака с А. Суловой.
- 2 Петерсен Владимир Карлович (1842–1906) — журналист, военный инженер.

замерли партер и ложи в восхищении. Но кто же «она»? Бесплодная жена, без надежды материнства, страстотерпица...»¹.

Идеал Розанова — основополагающий и твердый, на все годы и бурные времена, стоящий выше разноголосья партий и сект, — в семье, члены которой любили бы друг друга. «Повелевать природою можно, только повинувшись ей»², — приводит он афоризм Фрэнсиса Бэкона. Одна любовь укрощает страсть, превращая могучего льва в послушного ягненка. Половая страсть есть сила совершенно неодолимая, пишет Розанов, и существует только одна другая сила, которая с нею справляется: сила любви. «Сильна как смерть любовь», — говорится в «Песни Песней Соломона».

Изыять страсти из семьи, как учила церковь, считает Розанов, — это значит даже не дать ей возникнуть. Страсти — это динамическое и вместе материальное условие семьи, «порох», без которого не бывает выстрела. «Не без улыбки и недоумения я читаю иногда, что причина необыкновенной разрушенности семьи в наше время лежит в сильном действии и притом разнужданных страстей. «Если бы не страсти, семья бы успокоилась». Я думаю, «если бы не страсти» — семья скорее не началась бы»³.

«Сама ошибка Толстого, бросившего несчастную Анну под поезд, при всем авторском сознании даров ее души, ее прямодушия, честности, ума — лучше всего иллюстрирует странный и темный фанатизм общества против несчастных семей, — продолжает свою мысль писатель. — Даже гений впадал в безумный бред, видя здесь не бедствие, в которое надо вдуматься и ему помочь, а — зло, которое он ненавидел и в тайне души именовал «беспутством». Анна, видите ли, «чувственна», как будто сам Толстой, дитя-Толстой 72 года назад не явился из чувственного акта».

И далее следует чисто розановский вывод, отражающий его отношение к постановке семейного вопроса в русской литературе: «Да, это поразительно, что два величайшие произведения

1 Розанов В.В. Семейный вопрос в России. В 2 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 98.

2 Там же. С. 100.

3 Розанов В.В. Семейный вопрос в России. В 2 т. СПб., 1903. Т. 1. С. 75.

благородной литературы русской, «Евгений Онегин» и «Анна Каренина», посвящены апофеозу бесплодной семьи и — мук, страдальчеству в семье. «Мне отмщение Аз воздам» — слова, которые я отнес бы к нерождающим, бесплодным, — печально прозвучали у великого старца с духовно-скопческой тенденцией, которая после «Анны Карениной» еще сильнее зазвучит в «Смерти Ивана Ильича» (чувство его отвращения к жене и дочери) и наконец станет «единым на потребу» в «Крейцеровой сонате». Любовь как любование, как привет и ласка, обоих согревающая, — это грех»¹.

В книге «Религия и культура» (1899) Розанов делает первую попытку сформулировать свою семейно-родовую теорию пола, определить место семейно-брачных отношений в современной жизни. «Культура наша, цивилизация, подчиняясь мужским инстинктам, пошла по уклону специфически мужских путей — высокого развития «гражданства», воспитания «ума», с забвением и пренебрежением, как незначущего или низкого «удовольствия», всего полового, т. е. самых родников, источников семьи, нового и нового рождения. Все это умалилось, сморщилось...»²

Жизнь начинается там, писал Розанов, где в существах возникают половые различия. Растения и те не лишены пола, но совершенно лишены — камни. Половая жизнь — тема всей нашей цивилизации, утверждает он в книге «В мире неясного и нерешенного». В статье «Из загадок человеческой природы» (1898), напечатанной в этой книге, Розанов рассматривает психическую деятельность человека как «гутенберговский перевод иероглифов пола», который строится с лица как «мысленный свет».

- 1 Розанов В.В. Семейный вопрос в России. Т. 1. С. II–III. Писатель считал, что семья и рождение ребенка воскрешают человека из «пустыни отрицания», из «нигилизма», под которым он, вслед за Достоевским, подразумевал все те формы революционного движения молодежи, с которыми был знаком или о которых был слышан. Нигилисты — все юноши, нигилизм — весь вне семьи и без семьи; где начинается семья, кончается нигилизм, утверждал Розанов.
- 2 Розанов В.В. Религия и культура. 2-е изд. СПб., 1901. С. 167.

В книге «В мире неясного и нерешенного» дан первый набросок розановского «культа солнца» как жизнотворного начала, в котором воедино сливаются религия, пол и семья. Эта тема получила развитие и на страницах «Апокалипсиса нашего времени», затрагивая, в частности, и так называемый еврейский вопрос, проблему болезненно актуальную сегодня и потому требующую разъяснения.

Еврейский вопрос привлекал к себе пристальное внимание Розанова, как и его «наставника» в литературе — Достоевского, внимательное исследование суждений которого опровергает возводимое на него долгие годы обвинение в антисемитизме.

В записной тетради 1880–1881 годов Достоевский писал о корпоративности как главной отличительной черте еврейского народа. Розанов был не только знаком с данным положением Достоевского, но и развивал его в своих книгах, особенно в «Опавших листьях» и в «Апокалипсисе нашего времени». Поскольку превыше всего — выше различных партий и идеологий, выше шаблонной «нравственности» и церкви — Розанов ставил семью, то не случайно прекрасный образец, «идеал» человеческого общежития он увидел в библейском образе семьи, религиозных нравах, культивировавших семью как единственно важный и нужный организм. В книге «Уединенное» он подробнейшим образом описал еврейский семейный и религиозный обряд «миква» (в 1-м издании 1912 г. сокращено цензурой и восстановлено во 2-м издании 1916 г.).

Тайную, связующую воедино сущность семьи Розанов искал и находил прежде всего у евреев и у древних египтян. Он возвел в апофеоз пол, брак, семью, «чресленное начало», пронизывающее весь Ветхий Завет в отличие от аскетизма Нового Завета, с которым он всю жизнь сражался. И в этой борьбе живые страсти Библии, сексуальное начало в искусстве Древнего Египта, культ животворящего Солнца расценивались Розановым как высшие проявления человеческого духа.

В притче «Об одном народце», входящей в «Апокалипсис нашего времени», Розанов пытается понять, почему этот «малый народ» стал ныне «поругаемым народом, имя которого обозначает хулу». И он обращается к Ветхому Завету как сви-

детельству былой силы и славы этого народа: «Им были даны чудные песни всем людям. И сказания его о своей жизни — как никакие. И имя его было священо, как и судьбы его — тоже священны для всех народов. Потом что-то случилось... О, что же, что же случилось?.. Нельзя понять...»

Розанов никогда не уставал говорить и писать о евреях, и всякий раз иначе, чем прежде. Известна его предсмертная воля, записанная за две недели до смерти, в которой покаяние и ирония сплелись воедино так, как то бывало лишь у «хитрейшего» Василия Васильевича: «Я постигнут мозговым ударом. В таком положении я уже не представляю опасности для Советской Республики. И можно добиться мне разрешения выехать с семьей на юг. Веря в торжество Израиля, радуюсь ему. Вот что: пусть еврейская община в лице московской возьмет половину права на издание всех моих сочинений и в обмен обеспечит в вечное пользование моему роду и племени Розановых честною фермою в пять десятин хорошей земли, пять коров, десять кур, петуха, собаку и лошадь, и чтобы я ел вечную сметану, яйца, творог, всякие сласти и честную фаршированную щуку»¹. Следует напомнить, что раздачей национализированной земли в то время ведала «московская община» (Моссовет, во главе которого стоял Л.Б. Каменев).

Незадолго до смерти Розанов составил план издания своего собрания сочинений в 50 томах (девяти сериях). В серии, посвященной религии и охватывающей 15 томов, предполагалось три части: 1) язычество; 2) иудаизм и 3) христианство, причем в томах об иудаизме определены два раздела: статьи с положительным отношением и статьи с отрицательным отношением к нему. Подобно Янусу Розанов одновременно смотрел в разные стороны, «шел в двух направлениях».

Стремление Розанова убрать с пути брака и семьи (и их отражения в литературе) все препятствия, выдвинутые церковью и государством, попытка создать свою интерпретацию культуры, придать ей новое понимание (новые «потенции»,

1 РГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 244, л. 24 об., 25. Опубликовано в сокращении: Вестник литературы. 1919 № 6. С. 15.

как он это называл) предопределили неоднозначное отношение философа к Новому Завету, к христианскому миру.

В письме к Э. Голлербаху 26 августа 1918 года, когда «Апокалипсис нашего времени» был уже закончен, Розанов писал, что эта книга есть «Опавшие листья», на одну определенную тему — «инсurreкция против христианства». Еще в 1908 году в статье «Об Иисусе Сладчайшем и горьких плодах мира» (вошедшей затем в книгу «Темный Лик»; 1911) Розанов обратился к отношениям между Христом и миром.

Для Розанова Христос есть дух небытия, а христианство — религия смерти, апология сладости смерти. Религия рождения и жизни, проповедуемая Розановым, объявила непримиримую войну Иисусу Сладчайшему, основателю «религии смерти». Религия Христа лишь одно признала прекрасным — умирание и смерть, печаль и страдание.

* * *

Появление в печати трилогии Розанова — сначала «Уединенного» (1912), а затем «Опавших листьев» (короб первый, 1913; и короб второй, 1915) — было встречено обывателями от литературы и цензурой, возбудившей судебное преследование против автора, как покушение на нравственность. Началось нисхождение популярного до тех пор писателя и публициста в «геенну огненную», завершившееся через шесть лет «Апокалипсисом нашего времени», представшим и в жанровом, и в идейном отношении дальнейшим развитием основных принципов и тем трилогии.

В основе трилогии, стоящей за пределами того, что до тех пор называли литературой, лежит принцип «случайных» записей, набросков «для себя», подчас бесформенных и непоследовательных, но отражающих процесс мышления, что было для Розанова существеннее любой законченной системы или догмы.

Если в предшествующих книгах и статьях Розанов нередко прибегал к своим излюбленным «антиномиям», ставившим в тупик его читателей и критиков, то в трилогии от «двуликости» он обратился к многоголосию, чем-то напоминающему полифоничность романов Достоевского. Действительно, если

порядк читать даже одну из частей трилогии, то создается впечатление разнобойного «шума голосов». Этот шум, подобный тому, что слышал Гоголь, оглушает и «сбивает» вас, как разговор одновременно с несколькими людьми.

Исследователи, обращавшиеся к трилогии Розанова, обычно усматривали в ней исповедальный стиль и в жанровом отношении сравнивали ее с исповедями Августина и Руссо, с «Мыслями» Паскаля, с афоризмами Ницше. Однако для Розанова прежде всего значим опыт Достоевского и Лескова, Н. Стрехова и К. Леонтьева.

Розанов попытался сказать то, что до него никто не говорил, потому что не считал это стоящим внимания. Он писал: «Я ввел в литературу самое мелочное, мимолетное, невидимые движения души, паутинки быта», ибо «смысл — не в Вечном; смысл в Мгновениях». «У меня есть какой-то фетишизм мелочей. «Мелочи» суть мои «боги».

Новым в трилогии был тон повествования, «рукописность души», как называл это сам писатель. «Суть нашего времени», — говорил он, — что оно все обращает в шаблон, схему и фразу». Вину за это Розанов возлагает на книгопечатание: «Как будто этот проклятый Гутенберг¹ облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушили «в печати», потеряли лицо, характер». Появилась, пишет он, «техническая душа», с механизмом творчества, но без вдохновения. И отсюда вывод о современной литературе: «Оловянная литература. Оловянные люди ее пишут. Для оловянных читателей она существует».

Разработанный в трилогии особый жанр «мысли» свидетельствовал не столько о том, что в творчестве Розанова, как полагал он сам, происходило «разложение литературы, самого существа ее». Литература конечно же не окончилась «разложением» Розанова, и он не стал «последним писателем». Скорее напротив, он создал вершину жанра, за которой десятилетия спустя последовали все наши «камешки на ладони», «затеси», «бухтины вологодские», «мгновения».

1 Гуттенберг (Гутенберг) Иоганн (1394/99–1468) — немецкий изобретатель книгопечатания.